

Лезвие уже прорезало неглубокий порез на коже старика. Вязкая струйка крови стекала по дрожащей шее.

Чу Линьсюнь был напряжен до такой степени, что едва не потерял сознание.

В этот момент плотно закрытая дверь в комнату распахнулась. В комнату ворвались детективы и сотрудники спецподразделений, направив дула своих пистолетов на фигуры у стены.

Сяо Юань сменил свою обычную одежду. Он был одет в ту же форму, что и члены Особого полицейского отряда.

Услышав шум позади себя, правая рука Чу Синя, в которой он держал кинжал, на мгновение замерла. Он не был ни удивлен, ни запаниковал. В том углу у стены, где никто не мог видеть, проблеск тепла наполнил его глаза.

— Помогите! Спасите меня! — Чу Линьсюнь ухватился за этот луч надежды в отчаянный момент. Он бесстыдно умолял и боролся. — Этот человек пытается убить меня!

— Чу Синь, — сказал Сяо Юань. — Положи нож.

Чу Синь не обернулся. Он стоял спиной к комнате, полной полицейских:

— А что, если я не обернусь?

Позади него раздался звук взводимого курка.

Атмосфера в комнате была крайне напряженной, словно на плечи каждого давил тяжелый груз.

Никто не говорил. Никто даже не осмеливался дышать слишком тяжело. Единственным звуком, который наполнял комнату, были смехотворные мольбы Чу Линьсюня о пощаде.

— Ты старый зверь! — внезапно заревел Чу Синь. — Заткнись нахуй!

Порез на горле Чу Линьсюня стал глубже, словно в любую секунду он мог задеть артерию. Чу Линьсюнь был слишком напуган, чтобы пошевелить даже мускулом.

— Ты его не убьешь, — сказал Сяо Юань. Его голос был холодным и ясным, как будто одни его слова могли сбить жар в напряженной атмосфере. — Ты устроил эту сцену с единственной целью — дождаться прибытия полиции, не так ли? Твоя цель — не убить Чу Линьсюня сегодня. Ты хочешь, чтобы он потерял свою репутацию и был наказан полицией.

Через несколько секунд Чу Синь издал жалкий смешок. Его левая рука наконец отпустила Чу Линьсюня, и кинжал в его правой руке упал на землю.

Чу Линьсюнь, словно еще не отреагировав на эту перемену, продолжал смотреть на своего «любимого» сына с открытым ртом.

Чу Синь, шатаясь, поднялся на ноги и повернулся к Сяо Юаню, что также привело его лицом к лицу с дулом пистолета. Беззаботный взгляд, с которым он в прошлом встретил Фан Юаньхана, все еще висел на его лице, но теперь за этой беззаботностью скрывалась сильная печаль.

— Ты ошибаешься, — сказал Чу Синь. — У меня было два плана.

Сяо Юань жестом приказал остальным членам своей команды убрать огнестрельное оружие.

— Если бы я не пришел или пришел слишком поздно, вы бы убили Чу Линьсюня, а затем покончили с собой.

Кинжал, который Чу Синь уронил, лежал на полу рядом с Чу Линьсюнем. Заметив холодный отблеск света, отразившийся от лезвия, Чу Линьсюнь медленно приблизил руку.

— Вы, ребята, в конце концов пришли, — сказал Чу Синь. Его тон на самом деле умудрился остаться расслабленным. — Если я не ошибаюсь, вы давно установили здесь устройства для слежения. Все, что я сделал сегодня, было у вас на виду. Я...

Пока он говорил, глаза Чу Синя внезапно вспыхнули!

Но затем он тут же увидел, как Сяо Юань снова выхватил пистолет.

Бах!

Резкий звук выстрела разорвал холодный воздух. Сразу же после этого из угла раздался крик, за которым последовал звук кинжала, падающего обратно на пол, и тяжелый удар тела.

Чу Синь посмотрел вниз и увидел, что Чу Линьсюнь сжимает свою окровавленную правую руку и воет от боли.

Кинжал явно выбили из его руки.

Чу Синь холодно улыбнулся. Он сделал несколько шагов и поднял окровавленный кинжал:

— Разве я не был твоим самым любимым ребенком? Ты убил невинного человека ради меня, а

теперь пытаешься убить даже меня? Ты старый зверь. Ты что, совсем уже свихнулся?

Чу Линьсюнь не мог слышать ни слова из того, что он говорил. Он забился на землю от боли, а кровь продолжала хлестать из его раненой руки. Выстрел Сяо Юаня был точным и идеально нацеленным; он полностью раздробил запястье Чу Линьсюня.

— Уведите их, — сказал Сяо Юань. Он снова убрал пистолет в кобуру и спокойно отдал приказы полицейским вокруг него.

Чу Линьсюня схватили два сотрудника спецподразделения полиции. Он в панике закричал:

— Освободите меня!

Чу Синь стоял в стороне. Его глаза были полуприкрыты улыбкой.

— Как у меня мог быть такой сын, как ты? — Глаза Чу Линьсюня были полностью налиты кровью. Когда его уводили, он извернулся и заревел: — Я не должен был спасать тебя тогда!

— Так ты жалеешь об этом? — Чу Синь все еще ухмылялся. — Ты раскаиваешься?

Чу Линьсюнь отказался слушать:

— Ты мерзкое создание! Какой сукой ты родился?! Ты и Линь Си оба заслужили смерть!

Чу Синь нахмурился. Взгляд его стал еще холоднее.

Снаружи проклятия Чу Линьсюня продолжали разноситься по коридору. Это совсем не было похоже на голос старика, борющегося со старостью. Это было похоже на звук демона, борющегося с предсмертными муками.

После того, что казалось очень долгим временем, голос этого демона наконец полностью исчез. Не осталось даже эха.

Чу Синь сделал несколько шагов назад. Его спина ударилась о стену, и несколько ручейков пота стекали по его щеке и скользили к шее.

Его лицо стало мертвенно-бледным. Спокойствия, которое он сохранял минуту назад, больше не было видно. Как будто он выполнил важную задачу. И с этого момента у него больше не было привязанностей к этому миру.

Некоторые из спецназовцев вышли из комнаты. Сяо Юань спросил:

— Ты можешь идти сам?

Тело Чу Синя медленно сползло по стене. Он прикрыл грудь правой рукой. Холодный пот, стекающий по его лицу, становился все заметнее. Медленно, очень медленно его губы изогнулись в усмешке.

— Заместитель Сяо? — крикнул полицейский.

— Немедленно доставьте его в больницу, — сказал Сяо Юань.

Полицейские машины умчались вдаль, мчась сквозь холодную и мрачную ночь.

Осень была своеобразным временем года. Она рисовала город и горы совершенно разными кистями. В городе, когда температура падала, все люди надевали толстые пальто. На первый взгляд, улицы заполнялись пешеходами в темных одеждах. Но в горах холодный осенний воздух прорывался сквозь красочную страну чудес деревьев.

Чу Синь крепко прижимал руку к груди. Он смотрел в окно на пролетающие мимо цвета.

Они были подобны радуге, почти ослепляющей своей красотой.

Уголки его глаз потеплели, словно оттуда что-то сочилось.

Это были слезы?

Чу Синь хотел поднять руку, чтобы вытереть уголки глаз, чтобы это теплое чувство не смешивалось с холодным потом, пятнающим кожу. Но он прижал одну руку к груди, а другая рука была словно накачана свинцом. Он вообще не мог поднять ни одну из рук.

Цвета за окном начали расплываться. Он яростно моргнул, пытаясь прочистить зрение.

Но это было бесполезно. Он больше не мог ясно видеть. Уши у него были словно заложены.

Он открыл рот и попытался сделать вдох. Его сердце горело так горячо, что казалось, оно может взорваться или расплавиться, все сразу. Даже ладони горели.

У него было ощущение, что кто-то в машине зовет его, но голос становился все более далеким.

У него возникла мысль. Ощущение смерти... наверное, было чем-то вроде этого.

— Мать — лучший подарок в мире, ребенок, у которого есть мать, по-настоящему любим...

Чу Синь открыл глаза в густой темноте. Резкий свет хлынул внутрь, такой яркий, что его ноющие глаза заболели еще сильнее.

Он обнаружил, что смотрит на роскошную комнату, в которой изысканно одетая женщина держала на руках младенца, нежно покачивая его и напевая.

У нее было красивое лицо, но это лицо принесло ей страдания на всю жизнь.

В этот момент ее лицо было усталым. Даже самые дорогие драгоценности и аксессуары не могли рассеять темноту в ее глазах.

Чу Синь знал, что это его мать, Линь Си. Он знал, что он был ребенком у нее на руках.

Линь Си продолжала петь, пока младенец мирно спал.

Вскоре Линь Си положила ребенка в кроватку и погладила его несколько пучков волос. Она прошептала что-то, чего никто не мог услышать.

У ребёнка не должно было остаться никаких воспоминаний об этом моменте, но, сколько он себя помнил, Чу Синь часто напевал эту мелодию.

Это была единственная песня, которую ему когда-либо пела мать.

Он родился в самой богатой семье в городе Донгье. Чу Линьсюнь смог дать ему все, что он хотел. Но он не мог дать Чу Синю мать.

Когда Чу Синь был совсем маленьким, Линь Си был пленником семьи Чу. Это был единственный раз за всю его жизнь, когда Чу Синь был с матерью.

Позже, когда Чу Линьсюнь перестал держать Линь Си в плену, Линь Си тут же в панике убежала, как будто оставленный ребенок был вовсе не ее ребенком.

У Чу Синя не было матери.

Его мать не хотела его.

Его мать ненавидела его так же, как и его злого отца.

С самого детства Чу Синь страдал от боли в сердце. Врачи говорили, что ему осталось недолго жить.

Изображение перед глазами Чу Синя изменилось. Он наблюдал, как этот маленький младенец превратился в маленького мальчика. Затем мальчик вырос в болезненного подростка. За все эти годы рядом с этим ребенком никого не было.

Подросток был в плохом состоянии здоровья. Во время лечения ему также было поручено заниматься боевыми искусствами. Чу Линьсюнь надеялся, что сможет улучшить физическое здоровье Чу Синя с помощью этих средств.

Уголки губ Чу Синя изогнулись в горькой улыбке.

Больше всего его никогда не мучила болезнь. Его всегда мучило одиночество. Он прожил жизнь, которую посторонние сочли бы идеальной, окруженный слугами и охранниками. Все его желания исполнялись. Все, чего он хотел, ему подносили прямо на серебряной ложке.

Но не все желали такой жизни.

Он всегда задавался вопросом: Почему у меня нет матери? Почему моя семья не хочет меня?

Достигнув зрелости, он стал самым выдающимся юношей в семье Чу. Чу Линьсюнь привлекал его к различным деловым мероприятиям, и на некоторое время присутствие Чу Синя затмило присутствие четырех законных наследников Чу Линьсюня.

Но его сердце становилось все хуже и хуже с каждым годом. Когда ему было двадцать шесть, казалось, что его сердце не выдержит долго.

Чу Синь лично не испытывал особого сожаления.

Он никогда не был особенно привязан к своей жизни. Одиночество бросило на него тяжелую тень, которая поселилась в его крови и костях. Такой одинокий человек, как он, просто не боялся смерти.

Но Чу Линьсюнь сказал ему:

— Я не позволю тебе умереть.

Ему предстояла операция по пересадке сердца?

Быть больным долгое время было одним из способов узнать о медицине. Понимание Чу Синем

своей болезни было не более поверхностным, чем у обученных врачей. Он знал, что его состояние прогрессировало до такой степени, что пересадка сердца была единственным способом продлить его жизнь.

Однако риск операции по пересадке сердца был очень высок. Некоторые люди умирали на операционном столе. Некоторые отторгали новое сердце и жили всего два-три месяца. Даже те, кому благоволили небеса, редко проживали более десяти лет.

Если бы Чу Синя спросили о его истинных чувствах и желаниях, он бы сказал, что не хочет этой операции. Но Чу Линьсюнь настоял на своем и сказал, что уже организовал зарубежную хирургическую бригаду.

У Чу Синя было очень мало желания жить, но он не мог заставить себя восстать против Чу Линьсюня. Вместо того, чтобы спорить с Чу Линьсюнем, он проводил большую часть времени, размышляя — почему ему нужно было ехать за границу на операцию?

Хирурги из страны Б не были намного более впечатляющими, чем местные хирурги. Любая операция, которую могли выполнить врачи в стране Б, могла быть выполнена и местными врачами.

Чтобы объяснить это, Чу Линьсюнь сказал, что страна Б была более подходящей средой для послеоперационного восстановления Чу Синя.

Это объяснение имело смысл. Но когда Чу Синь действительно прибыл в страну Б и добрался до хорошо оборудованного «трансплантационного центра», он внезапно обнаружил, что все не так, как он себе представлял.

В любой стране законные операции по пересадке сердца должны были проводиться в больнице. Хотя место, куда его привезли, называлось «трансплантационным центром», на самом деле это было какое-то учреждение, находящееся далеко от города.

Операции, которые здесь проводились, просто не могли быть законными!

Чу Синь сразу понял, почему Чу Линьсюнь отправил его в страну Б — то, что должно было произойти, было незаконной операцией. Сердце не было взято у добровольного донора. Учитывая, как пристально за этими вещами следили дома, Чу Линьсюнь не мог провести эту операцию тайно, даже имея всю власть в своем распоряжении.

Вот почему операцию пришлось провести в стране Б.

Но ведь было так много доноров сердец. Почему бы не использовать одно из этих сердец?

Чу Синь много думал об этом. Может быть, они не смогли найти ему подходящего донора? Или

он не был достаточно высоко в списке ожидания сердца?

Нет, этого не может быть!

Благодаря силе Чу Линьсюня не существовало такого понятия, как «список ожидания».

Тогда почему Чу Синя пришлось отправить за границу для нелегальной пересадки? Что было такого особенного в человеке, который предоставил это сердце?

Внезапно Чу Синь вспомнил, что Чу Линьсюнь всегда уверял его, что операция обязательно пройдет успешно. Чу Линьсюнь бесчисленное количество раз говорил ему, что он не откажется от этого сердца.

Может ли это быть...

Чу Синь не осмелился дальше развивать эту мысль.

Даже врачи не осмелились бы гарантировать, что пациент не отторгнет свое новое сердце. Как Чу Линьсюнь мог это гарантировать?

Постоянные «определенности» Чу Линьсюня, должно быть, были преувеличениями. Но это должно было означать, что Чу Линьсюнь был уверен, что риск отторжения был минимальным.

Означало ли это, что сердце, которое предстояло пересадить Чу Синю, должно было быть взято из груди одного из его молодых и здоровых родственников?

Столкнувшись с этим вопросом, Чу Линьсюнь сначала ответил молчанием. Спустя долгое время он коротко ответил:

— Тебе нужно думать только о том, как жить хорошо. Я не позволю тебе умереть.

Чу Синь отказался. Он сопротивлялся и отбивался, но Чу Линьсюнь схватил его и связал.

С самого детства Чу Синь был человеком с относительно мягкими эмоциями. Отчасти это было из-за его врожденного характера, а отчасти из-за его пожизненной болезни. В возрасте двадцати шести лет он испытал свой первый приступ ярости и негодования. Но он ничего не мог сделать, чтобы остановить этот жестокий обмен жизни на жизнь.

Как в сцене из фильма, двадцатилетний Чу Синь впал в истерику. Он боролся, боролся и требовал встречи со своим донором. Его врачи, медсестры и телохранители бросились его удерживать, давая ему успокоительное, чтобы он успокоился.

Но почти случайно ему в конце концов удалось встретиться с человеком, который собирался умереть за него.

За пределами этой ужасающей картины прошлого, в настоящем, глаза тридцатитрехлетнего Чу Синя уже были совершенно красными.

Операция была запланирована на неделю позже. К тому времени Чу Синь уже провел четыре месяца в «трансплантационном центре». Он больше не сходил с ума, когда его не лечили. Его телохранители расслаблялись рядом с ним, иногда позволяя ему гулять по двору одному.

Главное здание «трансплантационного центра» было не очень большим, но двор был просторным, а воздух там был свежим. Как будто этот регион вообще не был затронут индустриализацией.

Когда он углубился во двор, то внезапно услышал тихий звук и, обернувшись, увидел человека, стоящего в роще деревьев неподалеку.

Мужчина тоже его явно заметил. Лицо его было полно удивления.

Красота Линь Си была унаследована обоими ее сыновьями. Хотя их фигуры были очень разными, черты лица были поразительно похожи.

В одно мгновение Чу Синь понял, что этот человек — его донор. Его брат!

Однако этот человек не был таким уж умным. Он застыл на мгновение, прежде чем сделать несколько шагов вперед:

— Ты...?

Уголки губ Чу Синя дернулись. Его горло словно сдавили тиски. Он прохрипел:

— Как тебя зовут?

— Бай Ин. — Мужчина посмотрел на больничный халат, который был на нем, и, похоже, тоже что-то понял.

Чу Синь почувствовал, как его сердце, печень, селезенка, легкие дрожат, когда он протянул руку и заключил Бай Ин в объятия. Его вопросы быстро лились с его губ:

— Откуда ты? Как зовут твоих родителей?

— Дон... Город Донгье. Нет, город Цзинли. — Бай Ин, казалось, немного встревожился. — Мои родители...

Прежде чем он успел сказать хоть слово, к нему подбежала бригада медиков и увезла Бай Ина.

Бай Ин обернулся и ошеломленно посмотрел на Чу Синя.

Этот образ застыл в сознании Чу Синя, болезненно запечатлеваясь в его душе, словно вечное клеймо.

Единственная мысль, которая осталась в голове Чу Синя, была о том, что он должен спасти Бай Ин! Бай Ин не мог умереть!

Но после этой неожиданной встречи за ним установили еще более строгий надзор.

Перед операцией Чи Минъюэ положил перед Чу Синем планшет:

— Я знаю, что вы братья, но не расстраивайтесь. Таков мир. У каждого своя жизнь. Некоторые люди рождены для славы и богатства, а другие рождены, чтобы отдать свою жизнь за других. Господин Чу, у тебя нет власти изменить все это.

На планшете началось воспроизведение видео.

Бай Ин посмотрел в камеру с неловкой улыбкой. Прошло несколько секунд, прежде чем он смог сказать:

— Младший брат.

Чу Синь застыл на больничной койке. Его печаль обрушилась на него, как текущая река, проливаясь через его сердце и его конечности.

Впервые он почувствовал, что он не одинок. У него тоже есть семья.

Но эта семья собиралась оставить его слишком рано!

Он протянул руку и онемевшим движением коснулся человека на экране, хрипло пробормотав:

— Старший...

— Я знаю, что со мной будет. Вся моя жизнь... кажется, была сплошным страданием. Я... у

меня нет возможности это изменить, — сказал Бай Ин. Он знал, что это конец его жизни. Он не мог сдержать легкую дрожь в голосе от страха.

Чу Синь стиснул зубы, но тихий всхлип все же сорвался с его губ.

Бай Ин некоторое время молчал.

— Но когда я увидел тебя в тот день, я понял, что это, вероятно, единственная милость, которую мне даруют небеса.

Говоря это, Бай Ин опустил голову. Он медленно поднял руку и прикрыл ею свое сердце, затем снова поднял голову:

— Это сердце спасет тебя, мой единственный родственник. Я... я могу чувствовать себя спокойно. Младший брат...

Бай Ин помолчал, затем продолжил:

— Я могу называть тебя так, верно? Ты... пожалуйста, живи хорошо. Я не был очень полезным старшим братом всю свою жизнь. Надеюсь, в конце концов я смогу защитить тебя хотя бы на этот раз. Мое сердце здорово, и я довольно здоров, хотя и сидел в тюрьме. Но я занимался спортом, даже когда сидел в тюрьме, потому что думал, что после того, как выйду, смогу...

Бай Ин покачал головой и рассмеялся:

— Забудь. Лучше не говорить об этом. Потом, когда поправишься, нанеси вместо меня визит на гору Циюэ. Там есть храм. Много лет назад я упал со скалы на этой горе. Монахи в том монастыре спасли меня. Они все хорошие люди.

Чу Синь молча кивнул. Его слезы текли молча. Но Бай Ин на видео, конечно, не мог видеть его ответ.

За кадром кто-то, казалось, жестом показал Бай Ину, что у них мало времени. Бай Ин поджал губы. Казалось, ему еще многое хотелось сказать, но он не мог сразу найти нужные слова. После нескольких секунд ошеломленного молчания он с трудом успокоился и, наконец, показал камере улыбку, полную прощения:

— Живи хорошо. Возможность защитить тебя — величайшая удача в моей несчастной жизни.

— Ах...

Чу Синь издал гортанный звук. Чи Миньюэ забрал планшет и спокойно спросил:

— Разве это не хорошо — иметь возможность выжить?

— Почему? — прохрипел Чу Синь. — Это неправильно!

— Я только что сказал вам, что у каждого своя жизнь. Это его жизнь, — сказал Чи Миньюэ. — И моя жизнь — сделать эту операцию. Ваша — получить его сердце. Если у вас должна быть причина, то я могу только сказать, что повезло кому-то или не повезло... в конечном итоге все сводится к удаче.

— Просто повезло... — пробормотал Чу Синь.

Чи Миньюэ повернулся:

— Я бы посоветовал тебе сохранять спокойствие. Эта операция неизбежна. Если бы я был тобой, я бы жил ради него. Живи хорошо и мирно, как он хотел бы, чтобы ты жил.

В конце концов, операция прошла по плану. Никто не пришел, чтобы остановить этот нелепый обмен жизнями.

Чу Синь погрузился в сон, а затем проснулся, словно от долгого сна. Он проснулся с сердцем брата, бьющимся в его груди.

Он положил руку на грудь и закрыл глаза, ощущая боль и тепло.

Операция прошла успешно. Чу Синь вернулся в свою страну на следующий год, но постепенно отдалился от группы Чу, оправдываясь тем, что его тело больше не подходит для такой интенсивной работы.

Ему нужно было сделать что-то еще, что-то более важное.

Бай Ин хотел, чтобы он жил хорошо, но ему было суждено подвести Бай Ина.

Для обычного человека найти чужую личность было бы нелегким делом. Но для тех, у кого были деньги и власть, любая задача становилась простой.

Бай Ин жил в городе Донгье, а затем в городе Цзинли. Он также сидел в тюрьме...

Как только он начал расследование, Чу Синь узнал, что заключенный по имени «Бай Ин» сбежал из тюрьмы в городе Цзинли. И фотография этого заключенного, которая была передана

полиции, была похожа на человека, которого Чу Синь видел в том «трансплантационном центре».

Этот человек был его братом!

Чу Линьсюн смог узнать, кто вытащил Бай Ин из тюрьмы, почему Бай Ин был заключен в тюрьму и почему Бай Ин покинул город Донгье и переехал в город Цзинли. Он провел свое расследование тайно, под видом отдыха и восстановления сил.

Он наконец понял, почему у него нет матери, и наконец понял, почему эта песня была единственной, которую он когда-либо напевал в детстве.

Его рождение было грехом, совершенным Чу Линьсюнем!

Чу Синь оставил свое богатство и статус, чтобы стать монахом на горе Циюэ.

Чу Линьсюнь пришел в ярость, а Чу Цин и все остальные с подозрением посмотрели на Чу Синя.

— Я устал, — сказал Чу Синь каждому из них. — Если вы хотите, чтобы я прожил еще несколько лет, оставьте меня в покое.

Причиной его пострига в монахи было полное прекращение связей с семьей Чу, чтобы лучше отомстить. А также исполнение предсмертного желания Бай Ина.

Бай Ин попросил его пойти в храм Хайцзин. Бай Ин рассказал о добрых монахах, которые спасли его.

Но все изменилось. Когда Чу Синь изучил подробности о каждом в храме Хайцзин, он узнал, что это больше не то место, где добросердечные люди практиковали буддизм.

Все они были демонами, носящими кожу сострадательных душ, совершающими фальшивые добрые поступки, чтобы скрыть тьму в своих сердцах — все они были такими же, как Чу Синь.

Это были демоны, замаскированные под людей, носящие маски доброты. Они были лицемерами.

Два года назад, после того как группа Чу наконец прекратила за ним следить, и после того как его тело наконец восстановилось...

Чу Синь сделал свой ход.

Жестокий Цао Фэнхуай даже не мог вспомнить Бай Ина, которого он заставил взять на себя вину за свои преступления. Когда Чу Синь столкнулся с ним, он только крикнул:

— Отпусти меня! У меня есть деньги! Я дам тебе все, что ты захочешь!

— Я хочу, чтобы ты заплатил за жизнь Бай Ина! — Холодный кинжал сверкнул на свету, и из горла Цао Фэнхуая хлынула кровь.

Жена Цао Фэнхуая не заслуживала смерти. Она даже не знала Цао Фэнхуая, когда он заставил Бай Ина взять на себя вину за свое преступление. Она была невиновна.

— Никто не может утверждать, что он невиновен, — пробормотал Чу Синь, вонзая нож в плоть женщины. — Означает ли невиновность, что ты не можешь умереть?

Далее семья Гун Гочжэня.

Гун Гочжэнь вспомнил Бай Ина. Он встал на колени и рыдал, умоляя о пощаде, умоляя Чу Синя отпустить его семью.

— Просто убейте меня, пожалуйста! Я виноват! Но они ничего не знали!

Чу Синь громко рассмеялся:

— Не знали? Ты вдруг притащил домой столько денег. Как твоя жена и сын могли не знать?

Гун Гочжэнь продолжал пресмыкаться перед ним:

— Я был неправ! Я был неправ!

— Разве тебя можно простить, просто потому, что ты признал свои ошибки? Если ты действительно так считаешь, то ты вел слишком легкую жизнь. — Пламя ярости и ненависти вспыхнуло в глазах Чу Синя. Он убил внука и жену прямо на глазах у Гун Гочжэня, одного за другим.

Очередь Гун Гочжэня пришла последней.

Прошел еще один год. Листья гинкго падали на горе Циюэ, а демоны в храме убивали друг друга.

Чу Синь холодно наблюдал, как Моу Хайюань совершал эти убийства во имя «искупления», и бесстрастно стоял рядом, пока Инь Сяофэн совершал свое возмездие. Чу Синь не вмешивался в

эти дела. Он только тихо украл железные гвозди из комнаты-изолятора на заднем дворе храма.

Эти длинные гвозди были в храме много лет. Они были идеальными инструментами для наказания нечестивцев.

Первоначально он намеревался прибить их все к телу Чу Линьсюня.

Однако «искупление» Моу Хайюаня вдохновило его.

Первоначально его план состоял в том, чтобы отомстить за Бай Ина этими жестокими убийствами. Его последней целью был бы он сам, а предпоследней целью — Чу Линьсюнь.

Убив Чу Линьсюня, он планировал покончить жизнь самоубийством.

Но когда он увидел убийства, совершенные Моу Хайюанем в своем безумии, Чу Синь внезапно начал чувствовать, что просто убить Чу Линьсюня было недостаточно. Смерть была бы слишком дешевой для такого демона.

Он не просто хотел, чтобы Чу Линьсюнь умер. Он хотел, чтобы Чу Линьсюнь потерял свою репутацию. Он хотел, чтобы семья Чу рассыпалась в прах!

Он хотел, чтобы полиция предала Чу Линьсюня суду!

Чтобы сделать это, ему нужно было создать уголовное дело, которое привлекло бы внимание всех в городе. Он, Чу Синь, естественным образом стал бы центром этого дела. Пока полиция будет расследовать достаточно глубоко, ряд давно похороненных истин всплывет, как огромный корабль, выплывающий из густого тумана.

Гора Циюэ стала популярным туристическим объектом в сети. Если бесчисленные пары невинных глаз увидят там труп, реакция общественности наверняка будет взрывной.

Чу Синь знал, что Моу Хайюань уже убил трех монахов. Если бы Чу Синь вынес эти трупы и позволил их найти, общественность, несомненно, была бы шокирована. Но произошло то, чего он не ожидал — Инь Сяофэн, этот психопат, фактически убил влиятельного человека, который раскрутил гору Циюэ.

Труп знаменитого блоггера наверняка вызвал бы большой резонанс в обществе, чем тела трех безымянных монахов.

Когда наступила ночь, Чу Синь выкопал тело, которое закопал Инь Сяофэн, намереваясь расчленив труп и разбросать куски по всей горе. Но две девушки случайно наткнулись на его действия.

Это были две красивые девушки, которые не имели никакого отношения к его замысловатому плану.

Но поскольку они увидели эту картину, им больше нельзя было позволить жить.

Гвозди, которые Чу Синь приготовил для Чу Линьсюня, в конечном итоге были использованы против этих девушек.

Созданная им сцена была безупречна, что позволило ему и ввести в заблуждение полицию, и скрыть свою личность на ранних этапах расследования. Он заманивал полицию все глубже и глубже в свою паутину, шаг за шагом.

Единственной настоящей жалостью была смерть этих девушек.

В этой отвратительной сети мести, которую он плел, они были единственными по-настоящему невинными.

Но что сказал Чи Миньюэ?

Иногда жизнь или смерть человека зависели просто от удачи.

— Мой брат был невиновен. — Чу Синь в настоящем услышал, как его собственное прошлое «я» шепчет эти слова. — Был ли кто-нибудь добр к нему, пока он был жив?

Полиция была самой большой переменной в плане Чу Синя. Чу Синя беспокоило, что полиция будет слишком некомпетентна, чтобы понять, что он был ключевой частью головоломки, которая лежала в этом густом тумане. Он также беспокоился, что они слишком рано свяжут дело с группой Чу.

Он не доверял полиции.

Чу Линьсюнь был в состоянии совершать преступления на протяжении всей своей жизни. Гун Гочжэнь был в состоянии вытащить Бай Ина из тюрьмы. Цао Фэнхуай был в состоянии заставить Бай Ина взять на себя вину за его преступление. Все эти вещи, в большей или меньшей степени, были из-за недостатков полиции.

Теперь статус группы Чу в городе Донгье был практически недостижим обычным людям. Сможет ли полиция уничтожить группу Чу, попытается ли полиция это сделать, в этом Чу Синь не мог быть уверен.

Вот почему ему пришлось создать такое громкое дело, и вот почему ему пришлось поначалу скрывать свою личность.

Ему пришлось подтолкнуть полицию к точке невозврата. Ему пришлось заставить их забраться на спину этого дикого тигра, неосознанно достигнув точки, с которой они уже не могли слезть.

Если в конце концов он все равно потерпит неудачу, то...

Чу Синь горько улыбнулся.

Тогда ему пришлось бы предоставить это другому «мстителю».

Из-за видео, которое показала ему Чи Миньюэ, Чу Синь изначально не планировал ничего делать с Чи Миньюэ. Но затем Чи Миньюэ покончил с собой, надев хирургический халат. Полиция в стране Б постановила, что это было самоубийство, вызванное стрессом.

Но Чу Синь знал, что кто-то тайно контролировал Чи Миньюэ.

Он не знал, кто этот человек, и не стал пытаться узнать. Мысль о том, что кто-то еще готов отомстить за Бай Ина, принесла ему неопишуемое чувство радости.

Образы, плывущие перед его глазами, снова расплылись. Сердце болело так сильно.

Он сильно надавил на грудь и прошептал:

— Мне жаль.

Мне жаль, Бай Ин.

Когда Минг Шу вернулся в город Донгье, Чу Синь все еще лежал в отделении интенсивной терапии в больнице. Он еще не пришел в сознание.

— Ты давно знал, что Ло И не был убийцей в остальных трех случаях? — спросил Минг Шу.

Сяо Юань покачал головой:

— Я подозревал, но не был уверен. Из тех улик, которые у нас были в то время, у Ло И был более сильный мотив, чем у кого-либо другого, и он внезапно исчез. Но когда я пошел навестить Чу Линьсюна, Чу Линьсюнь дал мне имя — Чи Миньюэ.

Когда И Фэй допрашивал Ло И, Ло И показал ему видеозапись того, как Чи Миньюэ подпадает под его гипноз четыре года назад. Хотя Минг Шу в то время не был в комнате для допросов, он также слышал этот разговор.

— Чу Линьсюнь признался мне, что Чу Синю сделали нелегальную пересадку сердца в стране Б семь лет назад, а главным хирургом в команде был Чи Миньюэ, который был очень известен в стране Б. Четыре года назад Чи Миньюэ покончил с собой и умер подозрительным образом, — сказал Сяо Юань. — Я подозревал, что Чи Миньюэ находился под влиянием, поэтому он и спрыгнул с крыши. Ло И — психиатр, и когда Чи Миньюэ умер, Ло И все еще был за границей. Если Ло И мстил за Цинь Ина, то дело Чи Миньюэ определенно имело к нему отношение. Но все три случая, которые произошли здесь, были жестокими убийствами. Действия серийного убийцы в этих трех случаях были последовательны. Эти три случая не были похожи на дело рук человека, стоящего за смертью Чи Миньюэ.

Минг Шу кивнул:

— Если бы Чу Синь хотел убить Чу Линьсюня, он мог бы сделать это довольно легко. Но он так и не сделал этого, отчасти потому, что хотел приберечь источник всего этого зла напоследок, а отчасти потому, что хотел совершить свои действия прямо под носом у полиции.

— Он не доверял полиции, но в конечном итоге все равно возлагал на нее надежды, — сказал Сяо Юань. — Чу Синь — очень противоречивая личность.

Минг Шу оглянулся:

— Как мы разберемся с этой семейной неразберихой в Чу?

— Мы сообщим об этом, — сказал Сяо Юань. — Чу Синь в конечном итоге отказался от убийства Чу Линьсюня и решил «сотрудничать» с полицией, скорее всего, для того, чтобы полностью разрушить «империю», которую построил Чу Линьсюнь.

Минг Шу посмотрел в сторону отделения интенсивной терапии и слегка нахмурился:

— Кто знает, когда проснется Чу Синь.

— Дела на горе Циюэ еще не полностью решены. Это еще не конец. — Сяо Юань вздохнул. — Возвращайся и прими душ, отдохни немного.

Три дня спустя Чу Синь очнулся от комы. Первое, что он увидел, открыв глаза, был Минг Шу.

— Я... — Чу Синь не мог сразу пошевелиться. Казалось, его тело придавило к кровати пара невидимых рук, с силой, от которой он не мог избавиться.

Минг Шу подошел и с серьезным выражением лица посмотрел на Чу Синя.

— Ты хочешь допросить меня сейчас? — Чу Синь сумел согнуть уголки губ в улыбке, хотя это

было явное усилие. — Тогда ты должен хотя бы помочь мне сесть.

Это была частная комната с одной кроватью. Снаружи элитные полицейские города охраняли дверь. Минг Шу не сделал, как просил Чу Синь, вместо этого позвав врача и медсестру.

Аппараты в комнате издавали глухие, монотонные звуки. Осмотрев эти аппараты, врач сказал, что состояние пациента по-прежнему нестабильно. Его можно допросить, но если произойдет что-то необычное, полиция должна будет немедленно остановиться.

Минг Шу кивнул.

— Я знаю, о чем ты хочешь спросить. — Лицо Чу Синя было бледным. После того, как он сбросил свою беззаботную маскировку, он выглядел почти безжизненным. — Я тот «мститель», которого ты ищешь. Цао Фэнхуай и его жена, Гун Гочжэнь и его жена и внук, семья Цинь Сюна. Все они были убиты мной. И...

Чу Синь говорил очень медленно, словно едва мог набрать достаточно воздуха, чтобы говорить:

— И те две девушки. Это тоже была я...

— Лу Чэнь и Чжао Сиянь? — Минг Шу не ожидал услышать, что жертвы Лу и Чжао также погибли от рук Чу Синя. Ему было искренне жаль слышать подтверждение этого из уст самого Чу Синя.

Они были невинны. Они просто отправились на гору Циюэ по прихоти, чтобы насладиться ее красотой, прежде чем толпа сезонных туристов сможет обрушиться на величественную гору.

Возможно, им следовало прислушаться к совету Фан Пинсюя, возможно, им не следовало оставаться на горе после наступления темноты, но они не заслуживали того, чтобы платить за это жизнью.

— Мне жаль. — Глаза Чу Синя полузакрылись. Он долго смотрел в потолок. — Им не повезло. Им просто не повезло встретить меня...

Прежде чем он успел договорить, Чу Синь закрыл рот, словно ему нужно было придумать, как себя описать.

Полминуты спустя он покачал головой с горькой улыбкой:

— Я, зверь. Им действительно не повезло. Изначально я планировал использовать труп этого инфлюенсера, чтобы привлечь внимание к горе Циюэ. Но те девушки увидели меня, и одна из них сфотографировала меня на свою камеру.

Голос Чу Синя был слабым:

— Я не мог позволить себе быть пока разоблаченным. Поэтому они должны были умереть.

— А как же Моу Хайюань? — спросил Минг Шу. — Ты узнал, что Куй Чен в храме больше не Куй Чен, так что ты...

— Это не я, это Инь Сяофэн, — прервал его Чу Синь с улыбкой. — У меня не было выбора, кроме как убить этих двух девушек, но Куй Чен был для меня несущественен. Не имело значения, насколько он заслуживал смерти. Мне не было нужды действовать против него. Когда вы впервые пришли на гору Циюэ, чтобы провести расследование, я вам сказал. В храме Хайцзин нет хороших людей. Каждый из нас там...

Сказав это, Чу Синь указал на свое сердце:

— У всех нас в сердце есть дикие, безумные демоны. Но доказательства ты должен был найти сам. Я могу только сказать тебе, что Инь Сяофэн не просто шизофреник. У него также есть множественные личности.

Ветер за окном усиливался. Ветви, на каждой из которых оставалось всего несколько листьев, шелестели и разрезали лучи солнца, падающие на стекло.

Такой солнечный день был необычен для осени и зимы.

— А как насчет Чу Линьсюня? — спросил Чу Синь. — Я уже сделал это. Вы... вы, люди, не дадите ему спуску только из-за группы Чу, не так ли?

— Почему ты думаешь, что мы закроем глаза на преступления Чу Линьсюня? — вскипел Минг Шу.

— Хорошо. Если этого не произойдет, то хорошо. — Чу Синь повернулся и посмотрел в окно. Солнечный свет, падавший на его лицо, осветил его глаза, которые затем медленно потускнели.

Цифры и графики на машинах вокруг него внезапно изменились. Доктор бросился обратно в комнату, а Минг Шу бросил последний взгляд на Чу Синя.

Губы этого «мстителя» были слегка изогнуты, как будто в иллюзии улыбки.

<http://bllate.org/book/14859/1321983>